

НАСЛЕДНИК САМОМУ СЕБЕ

Роман Михайлов

Роман Михайлов

Наследник самому себе

«Автор»

2026

Михайлов Р.

Наследник самому себе / Р. Михайлов — «Автор», 2026

Второй рассказ из цикла об адвокате Артёме Левине. Мёртвый миллиардер судится за собственное наследство: его сознание, перенесённое в защищённое сетевое хранилище за два месяца до смерти, заявляет о себе как о живом. Суд будущего должен решить вопрос, на который ещё не ответила ни наука, ни закон, — где проходит граница между человеком и его копией.

© Михайлов Р., 2026

© Автор, 2026

Роман Михайлов

Наследник самому себе

Артёму Левину было шестьдесят семь, и он отказывался омолаживаться.

Это давно стало его визитной карточкой — едва ли не более известной, чем выигранные дела. В мире, где люди после восьмидесяти выходили на утреннюю пробежку с лицом тридцатилетних, где седину носили только из эстетического каприза, а морщину можно было разгладить за обеденный перерыв, адвокат Левин ходил по судам настоящим стариком. С настоящими залысинами, настоящими мешками под глазами и настоящей привычкой щуриться, когда собеседник говорил глупость. Журналисты называли это «позой». Левин называл это лицом. «Я двадцать лет зарабатывал каждую эту морщину, — сказал он как-то в интервью. — С какой стати я отдам их косметологу?»

За семнадцать лет, прошедшие с дела о ребёнке из искусственной утробы — того самого Мирона Венгера, который теперь, говорят, поступил на юрфак, — Левин стал в профессии фигурой почти легендарной. Он брался за дела, от которых отказывались все: за безнадежные, неудобные, такие, где закон ещё не придумали, а жить уже надо. Его называли «адвокатом невозможных клиентов». Он не возражал.

Сегодняшний клиент был, пожалуй, самым невозможным из всех. Хотя бы потому, что был мёртв.

Зал заседаний гражданского суда изменился даже сильнее, чем Левин. Чёрной панели, перед которой он спорил пятнадцать лет назад, больше не было — ФЕМИДУ третьего поколения признали морально устаревшей. Теперь судейское место занимала ФЕМИДА-7: не панель, а мягко светящаяся сфера под потолком, медленно вращавшаяся, как маленькая планета из жемчужного света. Она видела всех сразу, слышала интонации, считывала микромимику и — по слухам, которые разработчики не подтверждали и не опровергали, — понимала иронию. Старые адвокаты её за это недолюбливали. Молодые перед ней робели.

Стены зала по желанию сторон могли превращаться в экраны, столы выращивали из себя интерфейсы по жесту, а воздух над центром зала был отведён под так называемое «поле представления доказательств» — пустую кубическую зону, где разворачивались голограммы, документы и, как сегодня, свидетели.

Потому что сегодня свидетель должен был явиться из сети.

Зал был набит так, как Левин не видел давно. Дело Меньшова гремело в новостях третий месяц: первый в России мёртвый миллиардер, судящийся за собственное наследство, — такое пропустить было нельзя. Зрительские ряды заняли с ночи, в проходах стояли, у дверей дежурила охрана. А над головами собравшихся, под самым потолком, висело облако репортёрских камер — десятки крошечных, размером с шмеля, дронов-операторов новостных служб. Они почти не жужжали, висели неподвижно, как мошкара в луче, и лишь чуть поводили линзами, выбирая ракурс; каждая транслировала картинку в свою студию, и где-то там, снаружи, миллионы людей смотрели на этот зал глазами роя. Раньше в суд пускали тележурналистов с громоздкими камерами на плечах. Теперь камеру размером с пуговицу мог пронести кто угодно, и запрет на съёмку давно стал бессмысленным — суд лишь требовал, чтобы дроны не залетали в «поле представления доказательств» и не заслоняли участников. Левин относился к ним как к насекомым: раздражают, но не отвертись.

Левин разложил перед собой бумаги. Да, всё ещё бумаги. Помощница давно махнула рукой.

Напротив, за столом истца, располагалась команда, которая стояла как небольшой город. Возглавлял её Дмитрий Карлович Корф — один из лучших адвокатов страны, человек с лицом, которое он, в отличие от Левина, обновлял регулярно, и потому выглядел ровно на сорок,

хотя ему было под семьдесят. Они с Левиным знали друг друга тридцать лет. Уважали. И с удовольствием уничтожали друг друга в залах судов.

Рядом с Корфом сидела истица — Алиса Гордеева-Меньшова, тридцати лет, вдова. Четыре года назад — Мисс Россия. Два года назад — жена миллиардера Аркадия Меньшова, который был старше её на пятьдесят восемь лет. Два месяца назад — вдова. Она была красивой отполированной красотой, которую теперь умели делать в клиниках, но Левин, приглядевшись, понял, что ей и делать-то ничего не приходилось. Природа постаралась сама. Алиса сидела очень прямо и смотрела в поле представления доказательств с выражением человека, ожидающего неприятностей.

И не зря.

— Заседание открыто, — произнесла ФЕМИДА-7. Голос у неё был тёплый, чуть бархатистый, совершенно человеческий. — Слушается дело по иску Гордеевой-Меньшовой Алисы Викторовны о выделении супружеской доли и признании права на наследство Меньшова Аркадия Львовича. Ответчики по делу — Меньшов Лев Аркадьевич и Меньшова Вера Аркадьевна, дети наследодателя от первого брака, заявившие также встречные требования о составе наследственного имущества. Интересы наследодателя и его волеизъявление представляет адвокат Левин Артём Сергеевич, действующий в порядке, определённом судом для настоящего дела. Стороны, прошу подтвердить готовность.

— Готова, — сказала Алиса тихо.

— Готовы, — за двоих ответил Корф.

— Готовы, — подтвердила адвокат детей.

— Готов, — сказал Левин.

— Перед началом, — продолжила сфера, — фиксирую процессуальную особенность настоящего дела, не имеющую прямых аналогов в практике. Сторона, представляемая адвокатом Левиным, заявляет ходатайство о допуске к участию в деле самого наследодателя, Меньшова Аркадия Львовича, в качестве лица, дающего объяснения. При том что Меньшов Аркадий Львович внесён в реестр умерших записью от четырнадцатого апреля сего года. Адвокат Левин, вы настаиваете на ходатайстве?

— Настаиваю, уважаемый суд.

— Сторона истца возражает?

Корф поднялся — неторопливо, красиво, как поднимаются люди, уверенные, что зал принадлежит им.

— Уважаемый суд, мы не просто возражаем. Мы полагаем само это ходатайство лучшим доказательством абсурдности позиции нашего уважаемого оппонента. Нельзя «дать объяснения» от лица покойника. Можно прослушать в суде запись его голоса, посмотреть видеообращение, что угодно. Но мой коллега предлагает суду беседовать с мертвецом так, будто тот вышел покурить. Это не процессуальное действие. Это спиритический сеанс.

В зале кто-то хмыкнул. ФЕМИДА выждала ровно секунду.

— Возражение принято к сведению. Однако суд отмечает, что вопрос о том, является ли источник, который сторона Левина намерена представить, «записью» либо «лицом», составляет существо настоящего спора и не может быть разрешён до его рассмотрения. Поэтому суд допускает участие источника в режиме дачи объяснений, с оговоркой, что его процессуальный статус будет определён решением. Адвокат Корф, вы сохраняете право оспорить каждое объяснение. Приступим. Сторона истца, изложите требования.

Корф склонил голову — мол, принято, посмотрим, кто будет смеяться последним.

— Уважаемый суд. Дело наше печально, но просто. Аркадий Львович Меньшов — человек, которого знала вся страна. Промышленник, меценат, личность яркая и, чего скрывать, тяжёлая. Сорок лет он строил империю: металлургия, орбитальная логистика, биотех. К восьмидесяти семи годам он подошёл одним из богатейших людей России — и, что важно для

нашего дела, подошёл к ним стариком в самом буквальном смысле. В мире, где любой клерк к сорока заказывает себе лицо двадцатилетнего, миллиардер Меньшов выглядел на все свои годы: морщины, пигментные пятна, лысина. И это, уважаемый суд, не каприз и не поза, как у нашего уважаемого оппонента. Это злая ирония судьбы. Дело в том, что Аркадию Львовичу омоложение было противопоказано.

Корф выдержал паузу, давая залу осознать парадокс.

— Да, именно так. Клеточное омоложение, поставившее старость на колени, подходит не всем. У небольшого процента людей — доли процента — регенеративная терапия запускает не обновление, а перерождение тканей: попросту говоря, рак, агрессивный и быстрый. Это называется регенеративной несовместимостью, и Аркадий Львович был одним из таких несчастливцев. Установлено это было пятнадцать лет назад, после первой же пробной процедуры, едва не стоившей ему жизни. Вдумайтесь в положение этого человека. Он мог купить остров, корпорацию, целую отрасль. И единственное, чего он не мог купить ни за какие деньги, — собственную молодость, ту самую, что любая секретарша получает в обеденный перерыв. Для гордого, привыкшего получать всё человека это стало незаживающей раной и, не побоюсь слова, манией. Он ненавидел зеркала. Он ненавидел своих помолодевших ровесников. Тело же его, к слову, благодаря лучшей в стране поддерживающей медицине оставалось крепким: он плавал по утрам в открытом море, работал по двенадцать часов и изводил подчинённых с неубывающей энергией. Старое лицо на молодом моторе — вот что такое был Аркадий Меньшов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.